

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 373–379

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 373–379

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

Научная статья

УДК [1:316](430)(09)

Социальная философия немецкого романтизма

О. М. Ломако

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу немецкого романтизма через социально-философское рассмотрение его возникновения, особенностей и методологических оснований в историческом и культурологическом контекстах. **Теоретический анализ.** Предлагается рассмотреть аналитику и методологию немецкого романтизма с применением философского метода генеалогии. Генеалогическая процедура гетерогенна по своей сути, поскольку предполагает выявление двойственности начала, истока социальности. В романтическом мировоззрении это слияние эстетического восприятия и понятийного мышления. Установлено, что философские методологические основания немецкого романтизма заложены немецкой идеалистической трансцендентальной философией (Кант и Шеллинг) в единстве гносеологического, эстетического и антропологического аспектов. **Эмпирический анализ.** Генеалогическое осмысление конкретных социальных условий в Германии в конце XVIII – начале XIX в. позволило выявить первичное понятие немецкого романтического мировосприятия как исток социальности – свободная общительность – и определить его многоаспектность как понимание и признание Другого (правила поведения и общения, создание программ вечного мира, интерес к истории и народному языку). Академической реализацией понятия свободной общительности становится основание Берлинского университета. **Заключение.** Формулируется вывод о том, что цель раннего немецкого романтизма – свободное единство как новая форма человеческой солидарности – надолго определила гуманистическую направленность романтического мировосприятия.

Ключевые слова: социальная философия, немецкий романтизм, просвещение, трансцендентальная философия, литература, свободная общительность, субъективность, творчество, эстетика

Для цитирования: Ломако О. М. Социальная философия немецкого романтизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 373–379. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The social philosophy of German romanticism

O. M. Lomako

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga M. Lomako, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Abstract. Introducton. The article is devoted to the analysis of German Romanticism through a social philosophical examination of its origin, features and methodological foundations in the historical and cultural context. **Theoretical analysis.** It is proposed to consider the analysis and methodology of German Romanticism using the philosophical method of genealogy. The genealogical procedure is heterogeneous in its essence, since it involves the identification of the duality of the beginning, the source of sociality. In the romantic worldview, this is the fusion of aesthetic perception and conceptual thinking. It is established that the philosophical methodological foundations of German Romanticism are laid by the German idealistic transcendental philosophy (Kant and Schelling) in the unity of epistemological, aesthetic and anthropological aspects. **Empirical analysis.** Genealogical understanding of the specific social conditions in Germany at the end of the XVIII-early XIX centuries allowed us to identify the primary concept of the German romantic worldview as the source of sociality – free sociability – and to define its multidimensional nature as understanding and recognition of the Other (rules of conduct and communication, creation of programs of eternal peace, interest in history and folk language). The foundation of the University of Berlin becomes the academic realization of the concept of free sociability. **Conclusion.** It is concluded that the goal of early German Romanticism – free sociability as a new form of human solidarity – long determined the humanistic orientation of the romantic worldview.

Keywords: social philosophy, German Romanticism, Enlightenment, transcendental philosophy, literature, free sociability, subjectivity, creativity, aesthetics

For citation: Lomako O. M. The social philosophy of German romanticism. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 373–379 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-4-373-379>, EDN: CFHOAF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Нарастающий конфликт межэтнических и национальных отношений требует осмысления форм коммуникации и понимания другого, направленных на создание мировоззрения солидарности. Вполне очевидно, что современное состояние общества неизбежно инициирует необходимость осмысления проблемы социальности в ее самых различных аспектах и темпоральных границах. В этом смысле обращение к исследованию романтического движения как мировоззренческой основы искусства, литературы, философии, политики, культуры в целом не только теоретически, но и в жизни, мироощущении человека конца XVIII – начала XIX в. представляется важным и актуальным. Рожденный Французской революцией, романтизм был сначала в основном немецким. Противоречивость, парадоксальность, двойственность присущи романтизму изначально. Точно так же, как страстное стремление к единству и целостности через преодоление противоречий, через попытку соединить несоединимое, познание бесконечного, движение к идеальному.

Возникают закономерные вопросы, которые определяют логику исследования и структуру данной статьи: «Каковы истоки и основные аспекты социальности немецкого романтизма?», «Что является теоретической основой философской методологии немецкого романтизма?».

В теоретическом плане это означает, что философский анализ немецкого романтизма должен начинаться с генеалогической процедуры как движения к истоку, к началу социальности в историческом контексте.

При этом генеалогию не следует понимать как желание повернуть историю вспять, это всего лишь попытка обнаружить неиспользованные ранее возможности, которые важны для прояснения сути проблемы. Генеалогическая процедура в данном случае начинается с выявления *архе* социальности для его последующей аналитики и определения методологических оснований в немецком романтизме.

Теоретический анализ

Генеалогия и аналитика социальности в немецком романтизме

Генеалогическая процедура по своей сути гетерогенна, поскольку предусматривает выявление нескольких, по меньшей мере, двух начал. В романтизме – это литература и философия. Представляется, что в данной ситуации особое место обретает знание истока социальности в немецком романтизме. Необходимость рождения новой формы социальности была обусловлена, не в последнюю очередь, историческими условиями существования Германии, которая в экономическом и политическом отношении была слабой и раздробленной. К началу Французской революции Германия состояла из 300 отдельных государств, из которых наибольшим значением европейского уровня обладали Пруссия и Австрия и в меньшей степени Бавария и Саксония. Система управления представляла собой власть просвещенного абсолютизма и основывалась на Божьей милости и государственной власти, которая складывалась из армии, профессионального чиновничества и церкви. Коалиционные войны против Франции закончились поражениями. Заключенный в 1795 г. мир обеспечил Северной и Средней Германии мирное существование на 10 лет, что предоставило историческую возможность рождения Веймарской классики и ранней романтики в Йене и Берлине [1, с. 15].

В контексте философской полемики с Французской революцией в Германии появился ряд работ, представлявших модели создания долгосрочного, даже вечного мира в странах и между народами. К ним можно отнести «*Versuch über den Begriff des Republikanismus*» (К вопросу о понятии республиканизма, 1796), в котором 24-летний философ излагает свои политические взгляды по поводу обсуждения работы Иммануила Канта «О вечном мире». Предпосылкой мирной совместной жизни Кант называет республиканскую конституцию, под которой он имел в виду не демократию, а конституционную монархию на основе разделения власти. Если Кант, сообразуясь с трезвым рассудком, го-

ворит о реальной возможности политической свободы, Ф. Шлегель создает утопию, идеальную республику, максимум которой является «Сообщество, свобода и равенство» *Gemeinschaft* – содружество, общность. *Fraternité* – братство заменилось на содружество, этим понятием Ф. Шлегель подчеркнул ценность содружества, общности для ранних романтиков. Государство он определял как человеческое общество, целью которого является сообщество человечества. «Универсальный и совершенный республиканизм и вечный мир – амбивалентные понятия». Однако идеальное государство и вечный мир среди людей и государств были бесконечно далекими целями, его мировая республика имела характер процесса. При этом политические представления Ф. Шлегеля перекрывались его романтической универсальной поэзией [1, с. 21–22].

Выражая надежду на вечный мир, Новалис в своих «Фрагментах» излагает идеи обновления государства и общества. Чтобы сделать утопическую идею обновления государства более убедительной, он связывает ее с реальностью. Юную прусскую королевскую пару Новалис делает символом своей идеи государства как большой семьи. Исходную клеточку государственного организма должна образовать королевская семья, которая благородным умом, простым и нравственным образом жизни и эстетическими манерами поведения облагораживают свое окружение [2].

Ранним эссе «К теории социального поведения» (*Versuch einer Theorie des geselligen Betragens*, 1799), опубликованным анонимно в Берлине, Ф. Шлейермахер заявил о себе как теоретике романтизма. Это была попытка придать раннеромантическим позициям систематическую научную форму. Странным образом это сочинение не упоминалось автором в его переписке и было неизвестно даже в кругу друзей. Так оно почти кануло в безвестность и было обнаружено только в начале прошлого столетия Германом Нолем, которым авторство Шлейермахера было бесспорно доказано. Заявленное в названии «социальное поведение» касалось прежде всего культуры берлинских салонов. Основное понятие – *общительность* (*Geselligkeit*) рассматривается с трех взаимосвязанных точек зрения: формальной, материальной и количественной. С формальной точки зрения *Geselligkeit* общительность – всестороннее взаимодействие (*Wechselwirkung*); матери-

альная точка зрения означает обусловленную индивидуальностью свободную игру мыслей; количественная точка зрения предполагает необходимую количественную ограниченность определенного общества, внутри которого оно может существовать как целое. Определенное общество – ограниченная реализация всесторонней взаимности (*Wechselseitigkeit*), одновременное признание других и признание другими. Формальный закон трактует романтический идеал индивидуальной всеобщности как преодоление противоположностей. В социально-философском понимании – это романтизм Руссо, т. е. гражданская романтика (*citoyen Romantik*), которая соответствие *всех – одному* делает программой преодоления отчужденных общественных отношений.

Из осмысления понятия «романтическая общительность», т. е. свободная общительность лучше всего можно увидеть, насколько искусственным является противопоставление просвещения и романтики. *Свободная общительность* пронизывает собой не только романтическое искусство, но и охватывает все области и действия ранних романтиков. Так, мысль Ф. Шлегеля «Общительность есть подлинный элемент всякого образования, целью которого является весь человек» развивает Новалис: «Общество есть ничто иное как совместная жизнь: неделимая думающая и чувствующая личность. Каждый человек есть маленькое общество» (Novalis, *Blütenstaub*) или «общество, плюрализм – наша внутренняя суть – и возможно каждый человек обладает своеобразной частью того, что я думаю и делаю, и также я живу в мыслях других людей» [3, с. 103].

По утверждению Ф. Шлейермахера, для романтической общительности нежелательными сферами являются профессия и домашнее хозяйство. Насколько они утилитарны, настолько же они не являются свободной общительностью. В них отсутствуют легкость, изящество, присутствие «свободной игре сил». Эту мысль очень точно выразил Бертран Рассел: романтическое движение как целое характеризуется подменой утилитарных стандартов эстетикой. Модель, по которой Ф. Шлейермахер создает свою общественную теорию, узнаваема. Это конструкция игровой культуры Шиллера, представляющая собой эстетическое состояние, также должна существовать без всякой цели. О «свободной игре своих сил» теоретик романтизма говорит и тогда, когда описывает общество, в котором

совместная жизнь выстраивается как произведение искусства, в котором отношения людей не должны быть односторонними, а должно быть взаимодополняемое и взаимоизменяющееся взаимодействие. И если только все эти условия полностью выполняются, тогда может идти речь об «обществе в подлинном смысле» [3, с. 104–105].

Термин *романтика* происходит от *roman*, что дословно означает «на романском языке». Этимология «романтики» восходит к древнефранцузскому коренному слову *roman*, которое означало романский народный язык в противоположность латыни как языку ученых, и поэтому провинциальные стихи и рассказы на этом языке получили со временем название «*romance*» и «*Romanzen*». Слово «роман» того же происхождения [4, с. 70].

В Йене возникает утопический проект романтического народного движения. Образцом для этого проекта служит идеализация прошлого, каковым оказывается теперь не Античность, а эпоха Средневековья Дюрера и Ганса Сакса. Политическая романтика по сути и есть романтизация Средневековья, устной речи, народной речи, народа и негативное отношение к политике как области разума и рассудка. Политика понимается как игра, политический театр, территория фантазии.

Идеализация народа выполняет двойную функцию и указывает на ее происхождение в движении гениев. Она служит масштабом для анализа общественной действительности. Деятельность романтиков включает в себя одновременно две тенденции: с одной стороны, желание задокументировать свидетельства пока еще не изображенного народного творчества в песнях, сказках и сказаниях и спасти тем самым от забвения; с другой стороны, действовать воспитательно и сделать простую естественную поэзию средством возрождения народа из своих собственных глубин. Во всей романтической школе живет эта вера в глубинную природу народной жизни. То же касается представления о «детском» характере народа, точно так же исходящее из идеи Руссо. Народ, как ребенок, – индивидуальная педагогическая проблема. Тот или иной народ, как тот или иной ребенок, обладает преимущественным талантом. Новалис также отождествляет образование народа и воспитание ребенка. Ребенок появляется подобно простому человеку из народа как природное существо, чьи способности

и склонности следует образовывать сообразно гармонии целого [3, с. 119–120]. Ницше задает радикальный вопрос: «Можно ли воспитать гения?» и говорит о том, что гений имеет метафизическую природу, он рождается из глубин народного бессознательного.

Как индивидуальное детство детский рай получает для человека значение идеала, так и детское состояние народа соотносится с золотым временем, мифическим началом истории. Романтическое представление истории укладывается в трехступенчатую схему: из перспективы неизлечимого прозаического ускользающего настоящего прошлое обретает черты законченной, но утраченной эпохи, и будущее рисуется по аналогии с прошлым.

Последнее важное следствие романтической народной идеи составляет мысль об органическом понятии государства. Новалис и Адам Мюллер сходятся в том, что рациональная теория не может полностью выразить природу государства. Государство происходит отсюда же, откуда человек – из природы. Согласно этому воззрению государство – живое природное целое, обладающее внутренними естественными связями совместной внутренней и внешней жизни нации. Первичной клеточкой этого живого организма является семья, поскольку в ней соединяются природные противоположности для рождения новой жизни. Семья всех семей – государство. Свобода, равенство, разнообразие, взаимодействие – лозунги романтизма, стремление к единству к целостности [3, с. 122].

Романтическая общительность (*Geselligkeit*) – либерализм, т. е. «свободное взаимодействие» (*freie Wechselwirkung*). Целью общества должно стать следующее: влияние каждого должно касаться деятельности остальных, деятельность каждого должна касаться влияния каждого – эта модель мышления распространяется на все сферы жизни и одной из важнейших ее реализаций является основание в 1810 г. Берлинского университета Вильгельмом Гумбольдтом [3, с. 114]. Братья Гумбольдт, Фихте, Шеллинг (лекции «О методе академического обучения», 1803) Шлейермахер с его «*Gelegentliche Gedanken ueber Universitaeten im deutschen Sinn*» («Случайные мысли об университетах в немецком смысле» 1808) воплотили надежды романтической школы – новый университет стал центром их устремлений к освобождению и единению всего немецкого народа.

Эмпирический анализ

Методологическая основа немецкого романтизма: единство гносеологического, эстетического и антропологического аспектов

Формирование новой культурной модели в европейском сознании было подготовлено, с одной стороны, критикой Просвещения и различными попытками преодоления его установок, а с другой стороны, тем внутренним конфликтом, проявившимся в самом просветительском мышлении и преобразовательной установке. Разрешением конфликта стала Великая Французская революция (1789–1794), решающее значение которой заключается не только в политике, но и в истории европейской культуры, в том, что она принесла много нового, и прежде всего открытие революционного способа разрешения политических и социальных проблем. Революция призвала, скорее, к действию, чем к осмыслению. Подлинное преобразование должно быть преобразованием самой жизни, а не осмыслением представлений о ней. Значительная часть европейской общественности в большей мере интуитивно сразу восприняла начало французской революции как начало новой эпохи. И действительно, революция не только подвела черту под эпохой Просвещения, но инициировала и ускорила формирование новой модели культуры, получившей название «романтизм».

Отмечая как факт превращение революций в повседневную реальность, Ханна Арендт в своем эссе «Свобода, быть свободным» рассуждает о новом, революционном понимании слова «свобода». Оно означает теперь, что обедневшее население отсталой страны вдруг становится свободным, но не от нужды и бедности, а от непонимания своей бедности, и люди замечают, что впервые открыто ведутся дебаты об их нуждах и бедах, и их приглашают принять участие в этих дискуссиях. Слово «свобода» означает теперь, что этих людей привозят в столицу и говорят, что эти улицы, здания и площади принадлежат им, они – их собственность и гордость. Именно это или что-то подобное произошло впервые во время Французской революции. Настоящим курьезом Х. Арендт считает, что первым это понял кенингсбергский отшельник, никогда не покидавший Восточной Пруссии Кант, который провозгласил: «Такой феномен в человеческой истории не забудется никогда» [5, с. 10–11].

Совершенно бесспорно, что все романтическое мировоззрение, так же как и его теоретические основания, исходили из противопоставления современной им общественной действительности и идеалов. Рассматривая особенности романтической школы в контексте «вклада в историю немецкого ума», Рудольф Гайм не случайно называет романтизм «революционным идеализмом». Перед романтизмом стояла сложная задача: собрать воедино лучшие идеи и воодушевить ими народ. Пафос его воззрения заключается в утверждении того, что у немцев была также своя великая революция – революция в литературе, причем с самого начала великой эпохи поэзия и философия взаимодополняли одна другую и «никогда их взаимная связь не была так сильна, как в стремлениях основателей романтической школы». Именно в этом слиянии фантазии с мышлением и заключается сущность романтизма. Для романтического направления точкой опоры послужило философское мышление. Р. Гайм последовательно проводит мысль о том, что «неподражаемое глубокомыслие Канта перекинуло мост между прежними понятиями о просвещении и новыми, искавшими для себя опоры в совокупности человеческих особенностей и в гениальности» [6, с.10]. Направленный на внутренний мир анализ кантовской критики побудил умы сознательно стремиться за пределы всего естественного и конечного. Пограничная черта между миром разума и миром фантазии, мост от просвещения к романтизму воплощается, во-первых, как утверждение субъективности у Канта, которое следует из противопоставления двух миров – материального (сущего) и идеального (должного). Человек находится между двумя мирами, выходит за пределы того, что есть (сущее) в мир того, как должно быть (должное). Человек – существо, способное к трансценденции – способности выйти за пределы своих физических возможностей и мира материальной физической реальности в мир духовный, нравственный, эстетический. «Критика способности суждения» – учение об эстетике, т.е. о прекрасном и возвышенном, сопоставление прекрасного с истинно человеческим. Возвышенное – это такое состояние, когда человек возвышается над самим собой, над своей природой. Сопоставление прекрасного с истинно человеческим.

Кант рассматривает природу как силу (Macht, Kraft, Gewalt)– насилие внешнее над внутренним. Природа в эстетическом суждении

не имеет над нами власти, она динамически возвышенна. Таковой она может быть только потому, что представляется как внушающая страх, то, что вызывает необходимость сопротивления. Это является основанием возвышенного, увеличивает душевную силу, дает мужество померяться силами со всемогущей природой [7, с. 196–197].

Рассматривая природу как силу, Кант понимает ее математически-механистически, хотя в «Критике способности суждения» он проводит идею целесообразности, все же она выполняет роль лишь регулятивного принципа. Романтик Шеллинг утверждает, что природа полна жизни. Мы должны удивляться ей и учиться у нее. У него жизнь и душа становятся конститутивными принципами бытия природы. Природа в своей основе есть дух, дух в своей основе есть природа. В его трансцендентальной философии мир – произведение искусства. В философии искусства Шеллинг определяет прекрасное как бесконечный переход конечного в бесконечное и бесконечного в конечное как символ бесконечного в единстве души и тела, природы и духа, закона и свободы, индивидуальности и всеобщности. Однако этот оптимизм постепенно ослабевает. В его философии истории все чаще появляются иррациональные элементы: воля, которая остается темной и непонятной, бессмысленность, которая сопровождает ход истории, зло как первооснова всех вещей, бог как виновник мирового круговорота. Но в конце концов свет побеждает тьму. Хотя в действительности Шеллинг продолжал стремиться к всеобщему с его просветляющей силой, он потерялся в безбрежности как дух Фауста. Тем не менее среди романтиков его философия нашла большой резонанс, поскольку чувство, интуиция, традиция и вера значили для них больше, чем чистый разум и только понятийное мышление [8, с. 160–161].

Такое понимание человеческой природы соответствовало романтическому культу искусства. Согласно представлениям Шеллинга в художественном творении сознание и бессознательное едины, в произведении искусства присутствуют свобода и бесконечность. Искусство есть единственно истинный и вечный органон, а также документ философии, который постоянно подтверждает наличие бессознательного в его действовании и его изначальное тождество с сознательным. Искусство есть наивысшее для философа, потому что освещает изначальное и

вечное единение того, что в природе и в истории разделено, что в жизни и в мышлении должно избегать друг друга [9, с. 482–485]. Романтическое мировоззрение явно получило прививку немецкой диалектикой.

Заключение

Социально-философский анализ немецкого романтизма основан на мировоззренческом содержании этого социального и культурного феномена как формы самоутверждения человека в новых исторических условиях. Отсюда сложность, «двойственность» романтизма: гуманистический пафос как утверждение субъективности и творческого начала и социальный негативизм как протест против современной ему общественной действительности. Романтизм как культурное и общественное движение с его специфическим мировоззрением характеризуется поиском *нового*, он возникает и воспроизводится в исторические периоды, которые получили название переходных. Возникновение немецкого романтизма, обусловленного историческими условиями, начинается с поиска новой формы социальности в контексте культуры – свободной общительности, направленной на преодоление национальной, политической и экономической раздробленности Германии. В конкретно-историческом смысле немецкий романтизм представляет собой единство социальных действий и практик. Его методологическая основа инициирована идеями немецкой трансцендентальной философии в совокупности гносеологического, эстетического и антропологического аспектов. Романтическая общительность представлена в разных аспектах: идея вечного мира, правила поведения и общения, интерес к истории и народному языку, создание Берлинского университета. Вся эта многоаспектность раннего немецкого романтизма подчинена одной главной цели – свободному единству как новой форме человеческой солидарности, что надолго определило гуманистическую направленность романтического мировосприятия.

Список литературы

1. Borries Erika, Borries Ernst. Deutsche Literaturgeschichte: in 12 Bd. Bd. 5: Romantik. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. 443 S.
2. Новалис. Фрагменты. СПб. : Владимир Даль, 2014. 319 с.

3. Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1987. 1004 S.
4. Schulz G. Die deutsche Literatur. München : C. H. Beck Verlag, 1983. 763 S.
5. Arendt H. Die Freiheit, frei zu sein. München : Dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co, 2018. 61 S.
6. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. М. : К. Т. Солдатенков, 1891. 774 с.
7. Кант И. Критика способности суждения. СПб. : Наука, 1995. 512 с.
8. Hirschberger J. Kleine Philosophiegeschichte. Freiburg : Verlag Herder, 1995. 224 S.
9. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. В. И. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.
2. Novalis. *Fragmenty* [Fragments]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2014. 319 p.
3. Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur. Munich, Wien, Carl Hanser Verlag, 1987. 1004 S.
4. Schulz G. *Die deutsche Literatur*. Munich, C. H. Beck Verlag, 1983. 763 S.
5. Arendt H. *Die Freiheit, frei zu sein*. Munich, dtv mbH & Co, 2018. 61 S.
6. Haym R. *Romanticheskaya shkola* [Romantic school. Contribution to the history of the German mind]. Moscow, K. T. Soldatenkov, 1891. 774 p. (in Russian).
7. Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Königsberg, 1790 (Russ. ed.: Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya*. St. Petersburg, Nauka, 1995. 512 p.).
8. Hirschberger J. *Kleine Philosophiegeschichte*. Freiburg, Verlag Herder, 1995. 224 S.
9. Shelling F. W. J. *System des Transcendentalen Idealismus*. Tübingen, 1800 (Russ. ed.: Shelling F. W. J. *Sistema transtsendentalnogo idealizma*. Soch.: v 2 t. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 1. 637 p.).

References

Поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024;
принята к публикации 25.11.2024; опубликована 25.12.2024
The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024;
accepted for publication 25.11.2024; published 25.12.2024